

## О НЕКОТОРЫХ ДИСКУССИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ, КОЛЛОКВИАЛИСТИКИ И СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

© 2018 г. Е. И. Литневская

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д.1  
litn-elena@mail.ru

*Дата поступления материала в редакцию 10 февраля 2018 г.*

## ON DEBATABLE ISSUES OF FUNCTIONAL STYLISTICS, COLLOQUIALISTICS, AND SOCIAL LINGUISTICS

© 2018 Elena I. Litnevskaya

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of Russian Language at the Department of Philology of the Lomonosov Moscow State University,  
1 Humanities Building, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia  
litn-elena@mail.ru

*Received by Editor on February 10, 2018.*

В статье анализируются такие ключевые традиционные представления, как стратификация русского национального языка, понимание русского литературного языка как языка, который отличается от внелитературных разновидностей кодифицированной нормой, привязанность функциональных стилей к устной или письменной форме их бытования, место разговорной речи в системе литературного и национального языка. Этот анализ проведен с учетом современного состояния языка (конец XX – начало XXI века) и акцентирует внимание на положениях, требующих, по мнению автора, уточнения и развития.

The article probes into such key conventional ideas as stratification of the Russian national language, the notion of the Russian literary language as a tongue not sharing a specific codified norm with the other-than-literary languages, the securing of functional styles to their oral and written forms, the place the oral speech takes within the system of literary and national language. Our analysis takes into consideration the contemporary state of the language (the end of the 20<sup>th</sup> – the start of the 21<sup>st</sup> centuries) and focuses on the issues, which, according to the author of the article, require clarification and further development.

*Ключевые слова:* национальный язык, литературный язык, языковая норма, кодификация, коллоквиалистика, социолект, письменная разговорная речь.

*Key words:* national language, literary language, linguistic norm, codification, colloquialistics, sociolect, written communicative speech

DOI: 10.7868/S1605788018030027

Основное направление развития русистики во второй половине XX века (как, впрочем, и зарубежной лингвистики) заключается в векторах антропоцентричности и текстоцентричности, при которых акцент изучения смещается с языковой системы на речевую деятельность. Учет при исследовании речи и текста таких параметров речевого акта, как коммуниканты, ситуация речевого общения (конситуация), апперцепционная база коммуникации и др., привело

к значительным изменениям в области традиционной грамматики, которая существенно семантизировалась, и к формированию функциональной грамматики как целостного направления исследования.

Однако традиционные представления о структуре национального русского языка, его функциональной и социальной дифференциации, сформировавшиеся в середине XX века, остались на удивление неизменными.

В начале XXI века Институт русского языка имени В.В. Виноградова издал три фундаментальных и авторитетных коллективных монографии, посвященных изменениям в русском языке и современному его состоянию: “Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация” (2003), “Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков” (2008) и “Современный русский язык: Система – норма – узус” (2010).

Первая из этих монографий естественным образом начинается с рассмотрения традиционно выделяемых подсистем (форм бытования) русского национального языка: литературный язык, территориальные диалекты, городское просторечие, профессиональные и социальные жаргоны; при этом уже во “Введении” отмечается, что “хотя выделение указанных подсистем в целом верно отражает картину функциональной и социальной дифференцированности русского языка, в таком членении недостает историзма” и что содержание этих понятий “различно, имеем ли мы в виду русский язык пушкинских времен или же русский язык, которым пользуются жители России конца XX в.” [1, с. 33]. Далее каждая из названных подсистем описывается отдельно.

Литературный язык определяется в указанной монографии как подсистема, которую отличают “последовательная нормированность (не просто наличие единой нормы, но и ее сознательное культивирование), общеобязательность его норм для всех говорящих на данном литературном языке, коммуникативно целесообразное использование средств (оно вытекает из тенденции к их функциональному разграничению) и нек. др. Определение обладает большой дифференцирующей силой: оно четко отграничивает литературный язык от других социальных и функциональных подсистем национального языка” [1, с. 34–35].

Как мы видим, в качестве основных признаков литературного языка указаны нормированность, сознательная культивация нормы и его функциональная дифференциация.

Каждый из этих признаков нуждается в пояснениях.

Понятие языковой нормы и ее культивации подробно рассматривается в “Введении” к третьей коллективной монографии – “Современный русский язык: Система – норма – узус” (2010) – и опирается на более ранние работы автора “Введения” Л.П. Крысина. Так, Л.П. Крысин, известный своими исследованиями в этой области, пишет, что “в широком смысле под нормой подразумевают такие средства и способы речи, которые стихийно,

спонтанно формировались в течение многих веков и которые обычно отличают одну разновидность языка от других. <...> В узком смысле норма – это результат кодификации языка. Разумеется, кодификация опирается на традицию существования языка в данном обществе, на какие-то неписанные, но общепринятые способы использования языковых средств. Но важно при этом, что кодификация – это целенаправленное упорядочение всего, что касается языка и его применения. Результаты кодифицирующей деятельности – а этим занимаются главным образом лингвисты – отражаются в нормативных словарях и грамматиках. Норма как результат кодификации неразрывно связана с понятием литературного языка, который иначе и называют нормированным, или кодифицированным. Территориальный диалект, городское просторечие, социальные и профессиональные жаргоны не подвергаются кодификации” [2, с. 36–37].

Таким образом, Л.П. Крысин выражает мысль, что норма в широком понимании этого термина (узуальная норма) присуща всем подсистемам национального языка: диалектам, социальным жаргонам, просторечию, однако норма литературного языка целенаправленно кодифицирована, т.е. литературный язык – язык с кодифицированной нормой (кодифицированный литературный язык, далее КЛЯ), и именно кодификация отличает его от внелитературных подсистем: “В узком смысле норма – это результат целенаправленной кодификации языка” [3, с. 10].

Прежде чем обратиться к понятию кодификации и ее средств, необходимо уделить внимание другому признаку литературного языка – его функциональной дифференциации (выделению в нем функциональных стилей).

Функциональная стилистика как целостное направление лингвистического исследования сложилась в 50-е годы XX века; так, в 1954 году журнал “Вопросы языкознания” провел представленную десятью статьями разных исследователей открытую дискуссию, наиболее значимые положения которой были обобщены в редакционной статье “Итоги обсуждения вопросов стилистики”, где В.В. Виноградов формулирует ставшее общеизвестным, в известной мере “классическим”, определение стиля: “Стиль – это общественно осознанная, функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в ре-

чевой общественной практике данного народа” [4, с. 73]. И вот уже более 60 лет традиционная классификация функциональных стилей, опирающаяся в первую очередь на работы В.В. Виноградова, остается практически неизменной и включает следующие стили: 1) научный, 2) официально-деловой (объединяющий изначально предложенные В.В. Виноградовым официально-документальный и обиходно-деловой стили), 3) публицистический (в терминологии В.В. Виноградова — газетно-публицистический), 4) художественный (по Виноградову, художественно-беллетристический), 5) обиходно-бытовой (разговорный, разговорно-обиходный). В конце XX века в современной русистике появилось мнение о необходимости расширения состава функциональных стилей за счет выделения религиозно-проповеднического стиля (см., напр., [5]). Идея была поддержана частью лингвистов; так, например, А.Д. Шмелев не только утверждает правомерность выделения этого стиля, но и рассматривает собственно языковые особенности различных видов религиозного дискурса ([5], [6]), а М.Н. Кожина и В.А. Салимовский в учебнике для вузов “Стилистика русского языка” (2010) дополняют пятичленную классификацию этим шестым стилем, называя его “церковно-религиозным” [8, с. 412–432].

Будучи направлением функциональной грамматики, функциональная стилистика ономастологична в своем движении от замысла к его исполнению, от содержания к форме его реализации.

Что такое “содержание текста”? В.П. Григорьев пишет, что «не вчера возникла полемика по вопросу о том, как связаны друг с другом понятия стиля и содержания <...> Едва ли найдутся два филолога, которые, обсуждая этот вопрос, придут к единому для обоих решению. Предпочтительной кажется та точка зрения, согласно которой “содержание текста” если не целиком и буквально “входит в стиль”, то определяет его как стилиевая доминанта» [9, с. 141–142].

В первую очередь, по М.Н. Кожиной, в понятие содержания текста входит его тематика: “Собственно, коммуникативная цель и весь смысл, значение стилистического в речи и направлены на наиболее целесообразное и эффективное донесение содержания до адресата” [8, с. 31].

Другой подход к выделению основополагающего признака содержания — это подход от функций языка (общение, сообщение, воздействие), заложенный в работах В.В. Виноградова. Так, Г.Я. Солганик в “Практической стилистике русского языка” пишет: “Функции языка, выполняющие исключительно важную роль в формирова-

нии и развитии стилей, можно положить в основу их классификации” [10, с. 26], при этом функция общения определяет разговорно-обиходный стиль, функция сообщения — научный и официально-деловой стили, функция воздействия — художественный и газетно-публицистический стили.

Какова бы ни была иерархия тематики и функции коммуникации внутри понятия “содержание высказывания”, функциональные стили не существовали бы, если бы не сформировались определенные общественно осознанные типовые способы передачи этого содержания. В.В. Виноградов отмечает, что “в отличие от литературоведа, который может идти от замыслов или от идеологии к стилю, языковед должен найти или увидеть замысел посредством тщательного анализа самой словесной ткани <...> Лингвиста больше интересуют способы выражения этого содержания или отношение средств выражения к выражаемому содержанию” [11, с. 90–91]. Иными словами, выделение функционального стиля возможно только в том случае, когда он обслуживается специальными языковыми и речевыми средствами, отличающими его от других выделяемых функциональных стилей.

При этом основой текста любого функционального стиля справедливо признавались нейтральные, т.е. стилистически не окрашенные единицы разных уровней языка. М.В. Панов в статье “О стилях произношения (в связи с общими вопросами стилистики)” (1962) пишет, что “многие лексические единицы нейтрального стиля (даже большинство их) не находят соответствий в окрашенных стилях. Следовательно, не может существовать естественного текста, устного или письменного, состоящего только из слов высокого или слов разговорного стиля, но может встретиться текст целиком из слов нейтрального стиля” [12, с. 108]. Это положение не выходит за рамки традиционных представлений о главенстве содержания над формой, однако заставляет задуматься над другим вопросом: как следует с точки зрения традиционной функциональной стилистики охарактеризовать текст, в котором характерное для определенного стиля содержание обслуживается средствами другого стиля? Примеры тому не слишком многочисленны, но они есть. В качестве такого примера приведем фрагмент из монографии “Позиционная морфология русского языка” (1999) М.В. Панова, научное творчество которого отличает уникальный идиостиль: “...Глаголы не только не обижены аффиксами, но охотно их употребляют в больших количествах. Стремления к безаффиксию нет.

Страдательные причастия прошедшего времени имеют право образоваться (или, по-новому, образовываться) от глаголов переходных, совершенного и несовершенного вида. Однако у многих бесприставочных глаголов такие причастия отсутствуют. Причину можно понять. Именно такие глаголы с трудом удерживают свою глагольность. Даже и с приставками они часто не вызывают глагольных представлений. Дом построен из кирпичей. Кипения стройки не вижу. Вижу кирпичный дом. Долина перерезана оврагами. Представляем ли действие? Видим ли, как овраги совершают резание, резку, разрезывание долины?

Нет, действия не видно. Видна долина с оврагами” [13, с. 267].

Разговорность формы приведенного выше отрывка при абсолютной научности его содержания не требует комментариев, но указывает на одну из “уязвимостей” традиционной теории функциональных стилей, которая не только не отвечает на вопрос, как решается проблема “конфликта” содержания и способа его выражения, но и не ставит такого вопроса.

Непосредственное отношение к функциональным стилям имеет вопрос о письменной и устной среде их использования. Для всех стилей, кроме разговорного, утверждалась преимущественно письменная форма их бытования. Что же касается разговорного стиля (в разговорной речи — эти термины в русистике по сей день в большинстве случаев употребляются синонимично; см., напр., [8, с. 433–434]), то за ним признавалась только устная форма его реализации.

Начавшееся в конце 60-х годов сразу на нескольких научных площадках и возглавляемое соответственно Е.А. Земской, О.Б. Сиротининой и О.А. Лаптевой масштабное исследование русской разговорной речи довольно быстро столкнулось с “уязвимостью” противопоставления литературного языка и внелитературных разновидностей национального языка и с виноградовской теорией функциональных стилей, а именно с неопределенным и явно несопоставленным с другими стилями местом разговорной речи (далее РР) в системе русского национального и литературного языка.

Общим в подходе к РР большинства исследователей является признание РР частью литературного языка (в противоположность диалектам, жаргонам и просторечию). Так, М.В. Панов изначально рассматривает РР как безусловно принадлежащую литературному языку его разновидность: “Часто говорят, что эта раскованная и непринужденная речь находится за пределами литературного язы-

ка. На самом деле она разновидность последнего” [14, с. 49–50].

В коллоквиалистике (науке о разговорной речи) соотношение РР и КЛЯ видится авторам основных центров исследования по-разному — в первую очередь из-за того, что полного отождествления общедомашне-бытового стиля, разговорного стиля, РР и разговорного языка в них обычно не происходит.

О.Б. Сиротинина с ранних своих работ (см., напр., [15]) считает РР принадлежащей к литературному языку. Автором утверждается, что РР — это “спонтанная устная литературная речь в условиях непринужденного неофициального непосредственного персонального общения” [16, с. 3]; т.е. понятие РР ставится ею в один ряд с другими функциональными стилями и соотносится с понятием разговорного стиля: “РР — устная форма разговорного стиля” [17, с. 4]. О.Б. Сиротинина, с одной стороны, рассматривает РР как устную разновидность разговорного стиля речи, а с другой, утверждает, что РР может быть представлена и литературными, и внелитературными средствами (диалектно-разговорная речь, жаргонно-разговорная речь и т.д.). При этом “литературно-разговорная речь — это литературно нормированная разговорная речь, подобно тому как литературный язык — это литературно нормированный русский язык. Следовательно, центр литературно-разговорной речи — устная форма разговорного стиля литературного языка. Периферия — нейтральные слои литературного языка, используемые в непосредственном общении” [15, с. 33].

Е.А. Земская, руководитель проекта “Русская разговорная речь”, изначально противопоставляет РР и КЛЯ (“РР представляет собой особую языковую систему — особый литературный язык” [18, с. 98]) и утверждает, что “РР и функциональные стили КЛЯ необходимо разграничивать, а не объединять” [19, с. 20], поскольку “совпадающие по форме единицы РР и КЛЯ не являются функционально тождественными, а имеют различное место в системах РР и КЛЯ” [Там же].

О.А. Лаптева в своих работах (напр., [20]) вовсе отказывается от терминов “разговорная речь” и “разговорный стиль” в пользу термина “устно-разговорная разновидность литературного языка”, который, несмотря на его очевидную громоздкость, употребляется ею повсеместно, за исключением нескольких ранних работ. При этом О.А. Лаптева в явном виде отказывает РР в статусе функционального стиля: “Устно-разговорная разновидность — не стиль уже потому, что стилевая дифференциация осуществляется лишь в пределах верхней плоскости” [Там же, с. 103]; в верхнюю

же плоскость автор помещает письменные формы существования языка: канцелярско-деловой стиль, научный стиль, публицистический стиль, художественно-беллетристическую речь (см. [Там же, с. 99]). Не соглашаясь предоставить РР статус самостоятельного, особого языка, О.А. Лаптева тем не менее говорит о противопоставлении РР и КЛЯ, но в основу противопоставления кладет признак письменного / устного характера их бытования. За РР признается устная форма реализации, за КЛЯ — принципиально письменная: “В этом смысле можно считать, что само противопоставление КЛЯ — РР для сферы устного общения неосновательно, ибо говорить на КЛЯ нельзя” [Там же, с. 42].

Таким образом, Е.А. Земская противопоставляет РР и КЛЯ как языки, находящиеся в позиции дополнительной дистрибуции, О.А. Лаптева, наоборот, все устное общение на литературном языке считает единой устно-разговорной его разновидностью, а О.Б. Сиротина находит между РР и КЛЯ как точки сопоставления, так и точки противопоставления, но все же скорее рассматривает РР как устную разновидность разговорного стиля речи.

Принципиальным для определения места РР в структуре национального языка является вопрос о характере норм РР: все школы коллоквиалистики признают безусловную нормативность РР, отмечая при этом, что нормы РР носят узуальный, некодифицированный характер. Так, например, О.А. Лаптева использует понятие нормы в широком понимании — вне официальных средств ее кодификации: “...Норма не есть предписание извне, нормативными учебниками и справочной литературой. Она существует как равнодействующая коллективного языкового сознания и вместе с ним меняется. Нормативно все то, что входит в язык и закрепляется в нем” [21, с. 46]

Высказанные исследователями РР соображения о безусловной узуальной нормированности РР вне кодификации этих норм, с одной стороны, и о вхождении РР в литературный язык, с другой, показывают уязвимость приведенного в начале статьи исходного положения о том, что русский литературный язык — это нормированный кодифицированный язык.

Теперь самое время обратиться к понятию средств кодификации норм литературного языка.

В учебнике “Культура русской речи” под редакцией Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева (2001) отмечается, что “кодифицированные нормы литературного языка — это такие нормы, которым должны следовать все носители литературного языка. Лю-

бая грамматика современного русского литературного языка, любой его словарь есть не что иное, как его кодифицирование” [22, с. 13].

Но далее встают естественные вопросы. Первый вопрос: в равной ли мере кодифицированы нормы всех функциональных стилей (вопрос о кодифицированности РР был рассмотрен нами выше, однако необходимо иметь в виду проект по составлению “Толкового словаря русской разговорной речи”, первый выпуск которого (от А до И) вышел в 2014 году)? Второй вопрос: не являются ли в определенной мере кодифицированными внелитературные пласты русского языка, коль скоро лексика и фразеология каждого из них зафиксирована в специальных словарях (например, “Краткий ярославский областной словарь”, “Словарь русских донских говоров”, “Словарь русского арго” и др.) как употребительная исключительно в определенных условиях? Более того, и неспециализированные нормативные толковые словари русского языка включают крайне разнородную лексику, принадлежащую не только КЛЯ, сопровождая ее пометами об употреблении слова в том или ином функциональном, диалектном или ограниченном другими факторами контексте (например: *спец., обл., разг., высок.* и др.); отсутствие же таких помет маркирует лексику как нейтральную.

Представляется, что для ответа на этот вопрос необходимо в первую очередь ввести и разграничить понятия кодификации описательной и кодификации предписательной. Л.П. Крысин, один из самых авторитетных специалистов в области нормы, пишет, что “кодификация — это целенаправленное упорядочение всего, что касается языка и его применения” [2, 37]. Описать — и тем самым упорядочить — с большей или меньшей степенью научности или популярности можно все; это, собственно говоря, и делается в каждом исследовании на научную тему. Описаны и продолжают описываться нормы и литературного языка, и внелитературных его разновидностей; любое из этих исследований может быть прочитано не только лингвистом, но и непрофессиональным филологом — носителем языка; из любого исследования можно сделать вывод не только о том, “как оно есть”, но и о том, “как оно должно быть”. Однако наши профессиональные изыскания не могут считаться средствами предписательной кодификации: они содержат специальную терминологию и рассчитаны на читательскую аудиторию, обладающую определенными специальными фоновыми знаниями.

Представляется, что именно описательный характер имеет не только специальная научная линг-

вистическая литература, но и грамматики русского языка и абсолютное большинство словарей, которые были упомянуты как основные средства кодификации Л.П. Крысиным (см. выше).

По нашему мнению, универсальным средством кодификации языка в XX веке являлся школьный учебник русского языка — книга, с которой в силу обязательности среднего образования имеет дело каждый носитель русского языка (см. об этом [23]).

Во-первых, так называемая “школьная грамматика”, которую так часто противопоставляют “научной грамматике”, — не что иное, как научная грамматика середины — второй половины XX века, поэтому это в первую очередь грамматика языка, а не речи, т.е. поуровневое описание системы и норм литературного языка. Более того, объектом предписательной кодификации в школьном учебнике является язык не во всех своих функциональных разновидностях, а только нейтральный стиль языка. Те тексты, которые в школьном курсе рассматриваются как “идеальные”, — это тексты нейтрального стиля. Следование описанным в учебнике докоммуникативным (уровневым) и коммуникативным нормам является целью преподавания русского языка в школе и составляет ту самую коммуникативную компетенцию, приобретение которой считается главной целью курса русского языка в школе и проверяется современным ЕГЭ (высокая значимость же языковой и лингвистической компетенций признается ФГОС только на углубленном, профильном уровне изучения русского языка).

Истинность нашего утверждения поддерживает и Л.П. Крысин в монографии “Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка” (1989). Так, рассуждая о влиянии СМИ на формирование речевой компетенции носителей языка, он пишет: “Следует, однако, подчеркнуть одно существенное отличие средств массовой информации как социального фактора, влияющего на языковую жизнь народа, от такого фактора, как образование <...> образование вырабатывает у говорящих навыки активного владения литературным языком (поскольку процесс обучения включает в себя в качестве важнейшего компонента активную деятельность обучаемого: ответы на уроках, творческие сочинения <...> экзамены и т.п.)” [24, с. 88]

Школьный курс русского языка, как известно, имеет раздел “Развитие речи”, замысел которого грандиозен — провести учащихся от владения разговорным стилем через нейтральный стиль к другим функциональным разновидностям литературного языка. Однако результат, как все мы прекрасно знаем, не соответствует этому замыслу,

поскольку путь обучения проходит три этапа: через приобретение знания сначала к умениям, а потом к навыкам. Под навыком при этом понимают умение, доведенное до автоматизма. Чем достигается автоматизм? Только реальной практикой.

Использование функционального стиля, соответствующего ситуации общения и содержанию высказывания, должно быть обеспечено, как минимум, наличием этой ситуации, причем желательно естественной, а не искусственно созданной. Школьник практически не сталкивается в своей реальной жизни с необходимостью создать научный текст, или официально-деловой документ, или публицистическую статью. Да и взрослый человек вне своей профессиональной деятельности не испытывает необходимости в создании текстов такого разного назначения. Более того, сами нормы составления текстов конкретных жанров разных функциональных стилей являются не кодифицированными, а узальными: в своей деятельности мы создаем тексты “по образцам”. Каждый из нас знает, как “обычному” человеку трудно дается составление любого официального документа — от заявления до завещания. Каждый преподаватель высшей школы знает, что студента надо специально обучать навыкам научной работы, а если не обучать, то на выходе получишь курсовую работу без внятной структуры, логики и, скорее всего, написанную в лучшем случае нейтральным стилем. “На журналиста” учат долгие годы с помощью множества специальных дисциплин на факультетах журналистики. А “на писателя”, по нашему мнению, выучиться и вовсе невозможно. Если же человек не работает ни в одной из соответствующих областей, практического владения ни одним из стилей, кроме разговорного и нейтрального, ему не требуется вовсе.

Таким образом, если под средствами кодификации понимать словари и справочники, то оказывается, что все функциональные стили, в том числе разговорный, равно как и внелитературные разновидности национального языка, описательно кодифицированы в равной мере, причем преимущественно в области лексики и фразеологии, а определение литературного языка как языка с кодифицированной нормой оказывается сомнительным утверждением.

Какие альтернативные определения можно предложить для отграничивания литературного языка от внелитературных разновидностей национального языка? При более пристальном рассмотрении оказывается, что эти определения непременно включают субъективный человеческий фактор.

М.В. Панов в статье “О литературном языке” (1972) пишет, что “литературный язык — многогранен и сложен; его особенности можно раскрыть только в веренице таких определений: это —

- язык культуры;
- язык образованной части народа;
- сознательно кодифицированный язык;
- язык, развивающийся по своим особым законам;
- язык с наименьшей дублетностью единиц.

Все же главное определение — первое; другие — следствия из него” [25, с. 88–89].

Важно при этом, что М.В. Панов значительно расширяет список средств кодификации: “Нормы литературного языка — предмет сознательной заботы говорящих. Литературному языку учат в школе, заставляя детей сознательно относиться к своей речи; литературный язык имеет свою письменность, а письменные нормы — предмет постоянного внимания всех пишущих и всех читающих. Есть произведения классические, образцовые — они действительно служат образцом безупречного владения языком. Существуют словари, учебники, справочники, в которых сказано, как надо говорить и писать. Все это делает литературный язык предметом сознательного культивирования. Он находится в центре общенародной заботы о нем. Имея это в виду, говорят, что литературный язык кодифицирован” [Там же, с. 91–92].

Как мы видим, М.В. Панов значительно расширяет состав кодифицирующих средств, включая сюда не только составленные лингвистами специальные описания нормы, но и школьные учебники и конкретные устные и письменные тексты как образцы хорошей литературной речи.

В.Г. Костомаров в относительно недавней его монографии “Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики” (2005) пишет, что “в общем значении литературный — это <...> образованный язык <...> в том смысле, что им пользуется образованная часть общества, и в том смысле, что он образован, т.е. отшлифован веками, богат, упорядочен и общепонятен для всех” [26, с. 251].

Как мы понимаем, противопоставления “образованный — необразованный” и “культурный — некультурный” применительно к носителям языка чрезвычайно субъективны и размыты и тоже не могут быть положены в основу разграничения литературного языка и других его разновидностей.

Интересное определение литературному языку дает Л.В. Щерба в статье “Современный русский

литературный язык” (1939), сопоставляя литературный язык с диалектами и утверждая, что литературный язык — это «самостоятельный диалект, но особого типа, “наддиалектный диалект” <...> Чем большее число диалектов объединяет данный литературный язык, тем традиционнее и неподвижнее должны быть его нормы» [27, с. 117]. В скобках отметим, что под диалектами Л.В. Щерба понимает не только территориальные, но и социальные разновидности языка.

Однако в современной русистике тезис о “наличии единой нормы” [1, с. 38], традиционности и неподвижности норм КЛЯ не является ни очевидным, ни популярным. Проблемам принципиальной вариативности норм литературного языка посвящено довольно много исследований. Так, А.Д. Шмелев в докладе “Падение речевой культуры или изменение нормы?” [28] предлагает выделять следующие типы вариативности норм литературного языка: 1) вариативность, связанная с сосуществованием “старших” и “младших” норм на всех языковых уровнях, 2) региональная вариативность литературного языка, 3) социальная вариативность литературного языка, 4) индивидуальная вариативность, 5) вариативность языка в контексте межкультурной коммуникации.

Необходимость описания всех вариантов нормы с соответствующими сопроводительными пометами очевидна. Однако представляется, что это может быть только описательная, но не предписательная кодификация, поскольку предписательная кодификация должна быть вписана в рамки не только “чистой” лингвистической науки, но и языковой (и шире — национальной) политики: признание одних и непризнание других вариативных региональных норм может послужить поводом для разжигания региональной и национальной розни, а предписательная кодификация социальных вариантов — основой для социальных конфликтов. Мы бы не решились делать такие вульгарно-политические обобщения, если бы филологическое сообщество не так давно не столкнулось с высокой волной социальной активности и даже социального “буйства” (с частичным, но показательным перевираанием фактов — например, по поводу ударения в слове *йогурт*) по поводу таких, казалось бы, лингвистически невинных вещей, как кодификация слова *кофе* в среднем роде и др. Так что представляется, что вопрос о кодификации очевидной лингвистам вариативности литературного языка не так прост, как может показаться на первый взгляд.

Эти теоретизирования — вопрос на сегодняшний день вовсе не праздный, поскольку в силу

всем известных внешних и внутренних причин русский язык (вернее, речевая деятельность как его реализация) стал стремительно изменяться; О.Б. Сиротинина называет такое изменение высокодинамическим. И эти изменения среди носителей “обыденного” языкового сознания и даже среди многих профессиональных филологов получили название “порчи языка”.

Что же “портит” наш язык и в чем это проявляется?

Среди причин “порчи” языка в первую очередь называют деятельность СМИ, о которых М.В. Панов еще в 1988 году писал так: “Теперь газета говорит многими голосами. Одна из причин этого сдвига — иное отношение к норме. В 30–60-е годы господствовало такое отношение к литературному языку: норма — это запрет. Норма категорически отделяет пригодное от недопустимого. Теперь отношение изменилось: норма — это выбор. Она советует взять из языка наиболее пригодное в данном контексте” [29, с. 84]. И это “наиболее пригодное”, а значит, наиболее доходчивое для большой и разнородной аудитории СМИ, оказалось разговорным и эмоционально окрашенным, что вполне естественно. Таким образом, среда бытования некодифицированной (в традиционном понимании) разговорной стихии расширилась и охватила более широкую тематику, чем прежде. Оказалось, что в разговорном стиле можно говорить (на радио, телевидении) и писать (в газете, журнале) о чем угодно.

Эта ситуация обнажила еще несколько “уязвимостей” традиционных представлений о функциональных стилях: представление о привязанности стиля к определенному содержанию (для РР — к обиходно-бытовой тематике) и утверждение об устной реализации РР.

Когда стихия РР за считанные годы прочно обосновалась в Интернете, даже профессиональные лингвисты (например, О.Б. Сиротинина) стали говорить о “точке невозврата” к правильной (т.е. соответствующей нормам) и хорошей (т.е. уместной, богатой и выразительной) речи.

Понятно, что язык Интернета неоднороден: Интернет стал площадкой для размещения официальной и неофициальной новостной информации, заимствовал практически все жанры докомпьютерной эры, вместил огромные объемы текстовой деловой, научной, художественной литературы (оцифрованные или созданные уже на цифровых платформах), но, главное, Интернет породил прежде не существовавшие жанры письменной неформальной неофициальной речи, в том числе создаваемые в режиме реального времени (он-

лайн). Не ставя перед собой задачи анализа и даже перечисления этих жанров, отметим только, что большинство собственно сетевых жанров неформальной коммуникации реализуются в форме письменной РР.

Как уже было сказано, даже в профессиональном лингвистическом сознании прочно укоренилась идея об исключительно устной форме реализации РР (вопрос об имитации РР в художественных произведениях мы в рамках нашей статьи ставить не будем; об этом см., напр., [30], [31]). Такая традиция сложилась еще с времен дискуссии о функциональных стилях; так, В.В. Виноградов в своей обзорно-обобщающей статье пишет: “При изучении форм речи прежде всего выступает глубокое различие между речью разговорной и речью письменной” [4, с. 78]; дальнейший контекст показывает, что автор под разговорностью имеет в виду скорее устность, но неразграничение этих терминов весьма показательно.

Однако соображения об отсутствии прямого соотношения функциональных стилей и форм их бытования были высказаны еще в середине и даже первой половине XX века. Например, Л.В. Щерба в уже упомянутой нами статье “Современный русский литературный язык” (1939) отмечает, что “литературный язык прежде всего раздваивается на устный и письменный, что, конечно, может перекрещиваться и с другими делениями” [27, с. 117]. А.И. Смирницкий и О.С. Ахманова в статье “О лингвистических основах преподавания иностранных языков” (1954) пишут: «Тот или иной стиль речи все же не оказывается закрепленным за определенной ее формой. Современный роман, повесть, рассказ (не говоря уже о пьесе), естественно, дают нам в письменной форме то, что нередко именуется “разговорным” стилем. Вместе с тем в устной форме речи, например, научного работника или дипломата, может быть представлен так называемый “письменный” или “книжный” стиль» [32, с. 50].

Этому вопросу посвящено несколько работ В.Г. Костомарова. Так, в работе “Разговорная речь: определение и роль в преподавании” (доклад 1965, статья 1966) он пишет: “Противоречивая и недифференцированная терминология дезориентирует читателя, смешивает разные явления и отрицательно отражается в практике. <...> Необходимо различать форму и стиль, говорить об устной (звучащей) форме и разговорном стиле. Устная форма определяется материально звуком и противопоставляется письменной. Эти формы обладают существенным своеобразием. <...> Стилиевая специфика сохраняется независимо от формы реализа-

ции. Разговорный стиль функционирует наиболее естественно в устной форме, но отсюда не следует, что он существенно меняет свою суть в случаях письменного оформления: в частной переписке, протоколах и т.п.” [33, с. 80–81]. Статья В.Г. Костомарова «О разграничении терминов “устный” и “разговорный”, “письменный” и “книжный”» (1965) специально посвящена данному вопросу; в ней автор среди прочего замечает: “Особенности стилей и форм связаны, но не прямолинейно. Коль скоро разговорный стиль функционирует по большей части устно, его особенности переплетаются с возможностями звуковой речи, взаимодействуя и дополняя друг друга” [34, с. 90]. В своей недавней монографии “Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики” (2005) автор вновь обращается к этой проблеме: “Не без оснований, но с напрасной, не всегда даже скрываемой или молчаливой переоценкой книжность <...> противопоставляется разговорности. При этом еще и теряется существеннейшее различие стилевых и формальных сущностей – разговорности и книжности, устности и письменности” [26, с. 252].

Как мы видим, десятилетия, разделяющие данные работы, так и не ликвидировали эту очередную “уязвимость” традиционной стилистики.

Тем временем представители семиотического направления лингвистики давно и четко разграничили векторы книжности – разговорности и устности – письменности. Так, Б.М. Гаспаров в статье “Устная речь как семиотический объект” (1978) справедливо исходит из того, что “носитель письменной культуры нового времени – от только что выучившегося читать школьника до профессионального филолога – существует в обстановке своего рода легенды, мифа об устной речи, сформировавшегося в условиях и традициях письменной культуры” [35, с. 65] и что “задача состоит в том, чтобы дать культурологическую проекцию различий между устной и письменной речью” [Там же, с. 66]. Автор отмечает, что “письменная речь может протекать в условиях весьма конкретной ситуации (обмен записками – письменный диалог), но и в этом случае не теряет своего основного качества и оказывается не тождественной соответствующему по общему содержанию устному тексту. С другой стороны, устная речь, не апеллирующая к конкретной ситуации (публичное выступление, доклад), и даже не обладающая спонтанностью, сохраняет особенности устной коммуникации” [Там же, с. 94].

Б.М. Гаспаров четко разграничивает и перечисляет признаки речи и текста, порождаемые пись-

менной или устной его реализацией, и оказывается, что многие признаки РР, вызываемые устной формой ее реализации, принимаются за признаки разговорности и перечисляются в одном ряду с ними как в специальных исследованиях коллоквиалистики, так и в работах по стилистике (особенно в учебной литературе).

Идея противопоставления книжного как письменного и разговорного как устного так прочно укоренилась в профессиональном сознании, что в лингвистической литературе по сей день многие исследователи, в том числе исследующие интернет-коммуникацию и смс-коммуникацию, избегают термина “письменная разговорная речь”, заменяя его терминами “естественная письменная речь”, “спонтанная письменная речь”, “электронно опосредованная речь” и даже “устно-письменная речь”. Последний термин является наиболее неудачным и семиотически неверным, но очень показательным для демонстрации отождествления понятий разговорности и устности.

Д.Н. Шмелев писал, что «на всех этапах развития литературного языка, даже при преодолении так или иначе проявляющейся отчужденности языка письменности, при потускнении ореола просто грамотности и владения особым книжным языком, у говорящих в общем виде никогда не исчезает ощущение различия между тем, “как можно сказать”, и тем, “как следует написать”» [36, с. 20].

Эта мысль была высказана в 70-е годы, сегодня же можно говорить не только о “потускнении ореола грамотности”, но и о, так сказать, “десакрализации” письменной речи, возникшей не в последнюю очередь в результате повсеместного распространения неформальной письменной смс-коммуникации и интернет-коммуникации.

Но, как ни парадоксально, электронные средства коммуникации предоставили (естественно, благодаря деятельности людей, радеющих о сохранении норм литературного языка) новые средства кодификации: пользование оцифрованными словарями и справочниками, причем одновременно несколькими, стало легко доступным (напр., на образовательном портале “Грамота.ру”), а текстовые редакторы автоматически подчеркивают неверно написанные слова, не давая пользователям забыть про “правописные” нормы письменной речи.

Каков же лингвистический статус неформальной электронно опосредованной коммуникации?

Для определения этого необходимо прежде всего обратиться к некоторым традиционным положениям о социальной дифференциации языка.

Выделение в языке территориально и социально ограниченных подсистем имеет давнюю историю. В статье “Современный русский литературный язык” (1939) Л.В. Щерба постулирует как данность “всем понятное потивоположение литературного языка и диалекта <...> при этом надо иметь в виду, что диалекты могут быть местные, т.е. объединяющие людей географически, и социальные, т.е. объединяющие людей по профессии, классу и т.д.” [27, с. 117].

В вводной главе уже упомянутой нами коллективной монографии “Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация” (2003) Л.П. Крысин привычно выделяет следующие формы существования русского языка: литературный язык и находящиеся за его пределами территориальные диалекты, просторечие, профессиональные жаргоны, социальные жаргоны ([1, с. 11–12]). Однако уже в коллективной монографии “Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков” (2008) отмечено, что в современном русском языке «происходит “смягчение литературной нормы”, допущение в литературный языковой оборот таких средств, которые до недавнего времени считались принадлежностью некодифицированных подсистем русского национального языка» [37, с. 15]. Таким образом, становится очевидным размытие границы литературного языка и жаргонов, и это заставляет обращаться к вопросам социальной дифференциации языка с учетом новых явлений и закономерностей.

Понятие социального диалекта (социолекта, социального жаргона — эти термины обычно используются синонимично) является в социолингвистике одним из наиболее значимых. К концу XX века в отечественной русистике сформировалось представление о социолектах как о подъязыках преимущественно маргинальных слоев общества: в ряду социальных жаргонов выделялись тюремно-лагерный, воровской, нищенский жаргоны и жаргон наркоманов (см., напр., [1, с. 74–77]); при этом социолекты (социальные жаргоны) наряду с диалектами и просторечием однозначно отнесены к разновидности национального языка, находящейся вне языка литературного.

В.Д. Бондалетов в учебном пособии “Социальная лингвистика” (2011) [38] выделяет следующие виды социальных диалектов (социолектов):

1) собственно профессиональные “языки” — дополнительные к КЛЯ лексические системы, свойственные представителям определенного занятия, профессии, промысла или отрасли производства;

2) групповые, или корпоративные, жаргоны, например, учащихся, студентов, молодежи, солдат и других, главным образом молодежных коллективов;

3) условные языки (арго) ремесленников-отходников, торговцев и близких к ним социальных групп;

4) жаргон (арго) деклассированных людей (см. [38, с. 69–70].

(Излишне говорить, что социолекты третьей и четвертой групп — явление скорее исторически пережитое, чем современное.)

При этом еще с конца 60-х годов XX века в русистике начали говорить о формировании “интер-жаргона — промежуточного языкового образования, впитывающего в себя лексику отмирающих корпоративных жаргонов и элементы жаргонов профессиональных <...> Через это промежуточное образование жаргонные слова и обороты проникают не только в просторечие, но и в литературный язык, где они используются в качестве экспрессивного, стилистически отмеченного средства” [24, с. 109].

Однако в зарубежных социолингвистических школах понятие социолекта рассматривается несколько иначе.

Представитель Женевской лингвистической школы Шарль Балли описывает социальное разделение в языке как универсалию, присутствующую в развитых национальных языках. Для понимания природы социальной окраски Ш. Балли вводит понятие “среды”, которая включает в себя как общественный класс, культурный уровень, воспитание, конфессиональную принадлежность, моральные принципы, так и “обычные формы деятельности и мысли”, в первую очередь профессии и занятия, но, по Балли, “есть и много других форм деятельности, образующих среду, ибо деятельность — это не всегда работа. Так, модные развлечения и наиболее популярные виды спорта могут привести к тому же результату, хотя и в меньшем масштабе” [39, с. 253]. Очень важным является замечание Ш. Балли о том, что среда “не включает в себя никакого географического или топографического признака”, это не “некое организованное сообщество” [Там же, с. 254].

А представитель американской школы социолингвистики Р. Макдэвид-мл. в работе “Диалектные и социальные различия в городском обществе” (1966) пишет: “Социальный диалект, как я его определяю, — это принятый в данном сообществе субвариант речи, который благодаря действию определенных общественных сил является

характерным для определенных этнических, религиозных или экономических групп или групп индивидуумов с определенным уровнем и типом образования” [40, с. 364–365].

Иными словами, социолект может обслуживать общности, которые не связаны с такими параметрами, как общественный класс, культурный уровень, воспитание, конфессия, моральные принципы, тем более личное знакомство, стабильность во времени и пространстве; их объединяют интересы и виды деятельности, определяющие их общую апперцепционную базу и — как следствие — владение общими номинативно-коммуникативными знаниями и умениями.

В качестве примера такого социолекта можно привести спортивные социолекты, где знания правил состязания, команд, игроков, их действий и задействованных в игре реалий объединяет спортсмен, тренеры, комментаторов и болельщиков, позволяя им общаться “на одном языке”, причем этот язык включает как спортивные термины, так и полуофициальные и неофициальные слова и устойчивые коммуникативные формулы.

В качестве примера приведем короткий фрагмент текстовой онлайн-трансляции хоккейного матча Россия — США на Олимпийских играх 2018 года (слева указана минута и секунда матча, более поздняя реплика размещается не ниже, а выше предыдущей):

*27:51 Очень опасный момент получился у сборной США! Прошла передача на пятачок, и тут игрок американской команды с разворота практически в упор расстреливал Кошечкина! Справился голкипер!*

*27:09 Джионнта убежал один на один с Кошечкиным, голкипер сборной России смог выручить, не дал себя переиграть! Но там и шайба уже у форварда сошла с крюка. ([https://www.liveresult.ru/hockey/txt/match166227\_Russia-USA-online/, дата обращения 17.02.2018]).*

Как мы видим, комментатор использует в одном ряду официальные спортивные термины (например, *голкипер*), жаргонизмы (например, *крюк* вместо *клюшка*) и множество устойчивых формул (*в упор расстрелять, убежать один на один*), основанно рассчитывая на полное понимание болельщиками, читающими эту текстовую трансляцию, всего, что происходит на поле, даже при отсутствии видеоряда.

Таким образом, понимание социолекта как неоднородного в функционально-стилистическом и нормативном отношении подязыка, используемого людьми, которые объединены каким-либо общим фактором, кроме территориального, и обладают общей предметной и языковой апперцеп-

ционной базой применительно к этому фактору, позволяет описать тексты, отличающиеся, на первый взгляд, отсутствием функциональной и стилистической целостности.

Что же представляет собой язык неформальной электронно опосредованной коммуникации с ее “смайликами”, парцелляцией, гипертекстуальностью и нелинейностью, пренебрежением к правилам пунктуации, а зачастую и орфографии, множеством специальных словечек и устойчивых оборотов, обозначающих порой целые интенции одобрения, порицания и т.д. (подробно об этих и других языковых и семиотических особенностях коммуникации см. [41])?

На первый взгляд лингвисту может показаться, что это разновидность молодежного жаргона, но это не так. Как известно, счастливая особенность профессии “ученый” — отсутствие верхней возрастной границы, и неудивительно, что большинство лингвистов, пишущих статьи, монографии и учебники, — люди старшего и среднего поколения, коммуникативная компетенция и привычки в общении которых сложились в докомпьютерную эру. Но здесь нам придется обратиться к статистике.

Интернет получил широкое распространение в России только в XXI веке, но в 2017 году его аудитория насчитывала уже 87 млн человек, т.е. 71% всех россиян, и это крупнейшая интернет-аудитория в Европе. Если рассматривать распределение пользователей по возрасту, то статистика предоставляет следующие данные: средний возраст пользователей сети — немного старше 30 лет, наибольший опыт работы в сети имеют люди от 21 до 30 лет, мобильным интернетом (чаще всего со смартфонов) чаще пользуется молодежь в возрасте 18–25 лет ([http://vawilon.ru/statistika-interneta/, дата обращения 01.02.2018]).

Разница в использовании Интернета разными поколениями россиян колоссальна. Среди людей до 30 лет 98% ежедневно пользуются Интернетом, причем 65% времени они тратят на общение. При этом среди людей старше 60 лет 77% никогда не пользовались Интернетом, причем — и это очень показательно — среди них лишь 15% людей с высшим образованием ([http://www.bizhit.ru/index/users\_count/0-151, дата обращения 12.12.2017]).

Если средний возраст пользователя Интернета в России — немного больше 30 лет, то, исключая детей дошкольного возраста, Интернетом пользуется всё население страны предпенсионного возраста, причем это умение является обязательным при приеме практически на любую работу. Дискриминация? И да, и нет. Ответ на этот вопрос со-

держится в статье В.И. Беликова “Языковая норма: новые и старые трещины на русскоязычном пространстве”, в которой он отмечает, что “осмысление резкой интенсификации информационных процессов в современном мире привело к осознанию того, что человечество вошло в новый исторический этап — Мировую информационную революцию. <...> Перемены эти касаются всех областей жизни, язык не исключение. Интерпретация нового феномена, его движущих сил и последствий — дело не простое. Я предпочитаю понимание, восходящее к сформулированной Маргарет Мид теории трех механизмов межпоколенной трансляции культуры: постфигуративного, кофигуративного и префигуративного” [42, с. 38].

В приложении к своей статье В.И. Беликов дает пространственный обзор теории способов передачи культуры, предложенной Маргарет Мид [Там же, с. 48–51].

М. Мид выделяет три способа передачи культуры — постфигуративный, кофигуративный и префигуративный. При постфигуративном способе знания, опыт и ценности последовательно передаются от старшего поколения к младшему, а инновации происходят очень медленно и почти незаметно для окружающих. При кофигуративном способе вновь полученное знание передается в пределах поколения. Во второй половине XX века (после парижских событий), по мнению М. Мид, возник ранее неизвестный способ обновления культуры — префигуративный; создателем новых знаний, нового опыта и новых ценностей становится молодежь, а новые элементы культуры передаются от младших к старшим. М. Мид пишет: “Сегодня же вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ” (Цитируется по [42, с. 49]). Именно этот способ развития и реализуется в сегодняшнем российском обществе (с отставанием, но сокращающимся, от западных стран).

Появление новых носителей информации (в первую очередь Интернета) настолько увеличило скорость информационных потоков, что только успевающий за новыми технологиями человек сегодня может рассчитывать в большинстве видов деятельности на профессиональный рост и полную адаптацию в обществе. Естественно, что в наибольшей мере “успевает” молодежь, родив-

шаяся или воспитывавшаяся в эпоху компьютера и Интернета, и те люди, которые готовы учиться этим новшествам (преимущественно у молодежи). В.И. Беликов пишет: “Переход был труден, но новое поколение, те, кому сейчас тридцать, не испытало трудностей перехода. Оно не испытывает особого почтения к ценностям тех, для кого переход оказался труден. К числу этих ценностей относятся и языковая норма” [42, с. 51].

Чрезвычайный интерес с теоретической точки зрения представляют словари интернет-коммуникации. По большей части они содержат алфавитный список слов и выражений с их толкованиями, но в вышедшем в 2016 году под редакцией М.А. Кронгауза “Словаре языка интернета.ру” сделана попытка осмысления интернет-номинаций с точки зрения традиционных представлений о социальной дифференциации языка, в частности попытка разграничить термины и жаргонизмы этой области. В Предисловии М.А. Кронгауз пишет, что в словаре нашли отражение единицы, составляющие “общее лексическое пространство” [43, с. 3] Интернета.

В словаре три раздела: “Слова и выражения”, “Термины” и “Субкультуры”.

Все эти разделы ставят много теоретических и практических вопросов. Так, в раздел “Термины” включены не только такие слова, как *блог*, *пост*, *вай-фай*, *веб*, *гиперссылка* и др., интуитивно воспринимаемые нами именно как термины, но и *лайк* (выражение одобрения, чаще иконическое), *нигерийские письма* (вид мошенничества по вымоганию небольших сумм), *фанфик* (художественный текст по мотивам литературного произведения, фильма, комикса или компьютерной игры), *фотожаба* (смешной коллаж, созданный на основе другого изображения с помощью графического редактора) и др. Их определение как терминов вызвано, видимо, тем, что обозначаемые ими реалии не имеют других, официальных обозначений.

Но особый интерес представляет раздел “Слова и выражения”, поскольку он содержит принятые в Интернете приветствия и комментарии, многие из которых не имеют или даже не могут иметь устной огласовки.

Во-первых, это графические сокращения типа *плз* (от *плиз* — пожалуйста), *спс* (*спасибо*), *ессно* (*естественно* — вводное слово) или аббревиатуры типа *ОМБ* (*О, мой Бог* — реакция удивления), *ВТФ* (*what the fuck* — недовольство), *нзч* (*не за что*). Сюда же относятся аббревиатуры *ДР* и *НГ*, зародившиеся в смс-коммуникации.

Во-вторых, это слова и выражения, маркированные как языковые единицы языка интернет-сообщества благодаря своему написанию, не совпадающему с нормами письменного литературного языка. Это прочно закрепившиеся в выражения вышедшего из моды олбанского языка (*аффтат жжот, красавчег, йа креведко, превед, многобукаф, ржунимагу*), слова типа *жыр* (неожиданная или шокирующая суть текста), *кагбэ* (как бы), *труь* (правильный), не говоря уже о смайликах всех мастей и способов изображения вплоть до *хД* (англизированное *хД*).

Эти и подобные номинативные и коммуникативные формулы почти всегда вызывают у старшего поколения удивление, неприязнь и порицание. Неприятие нового в жизни и языке (пуризм) не является уникальной ситуацией; напротив того, эта ситуация является более чем распространенной. В.П. Григорьев в статье “Культура языка и языковая политика” (2003) пишет, что с новым в языке пуристы мирятся только в том случае, если это новое не имеет конкурента в старом и отвечающем их вкусам и привычкам [44], а Л.П. Крысин отмечает социальную природу этого явления: “Социально маркированы также оценки фактов языка его носителями: то, что воспринимается нейтрально представителями одних социальных групп, у представителей других вызывает протест, а третьими отстаивается как единственно возможный способ выражения” [24, с. 17].

Естественно, что представители старшего поколения предпочитают в Интернете (например, в электронной почте или в чате Скайпа) пользоваться при коммуникации нейтральным стилем или той имитацией устной разговорной речи, к которой привыкли в художественной литературе и эпистолярной, однако младшее и среднее поколение активно использует приведенные выше неологизмы, а если не использует, то по большей части понимает их значение.

В таком случае этой лексике следует придать статус или особого социолекта, или интержаргона, а интержаргон — прямой кандидат на пополнение РР и формирование письменной формы ее бытования. Даже считая неформальную электронно опосредованную коммуникацию социолектом пользователей Интернета, мы не можем отрицать того, что эти пользователи составляют около 80% населения России и что это не только очень молодые люди, но и те, кто составляет ядро трудоспособного населения, те, кто определяет будущее не только нашей политики и экономики, но и нашей культуры и языка. И скоро говорить о социолекте пользователей Интернета будет так же нелепо, как говорить о социолектах пользователей телевизора, холодильника или пылесоса. При этом новые пись-

менные формы неформальной интернет-коммуникации представляет собой не попытку как можно точнее зафиксировать устную РР, а особую семиотическую систему (подробнее об этом см., напр., [41]), не имеют аналога в речевой практике предыдущих поколений, поскольку связаны с принципиально новыми материальными носителями текста, и неформальная электронно опосредованная коммуникация на наших глазах меняет статус с социолекта на письменную разновидность РР.

Таким образом, как представляется, традиционные суждения о стратификации национального русского языка и о его функциональной и социальной дифференциации языка нуждаются в некотором пересмотре и обновлении<sup>1</sup>.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. Академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 568 с. [*Sovremennyy russkiy yazyk: sotsialnaya i funktsionalnaya differentsiatsiya. Ros. akademiya nauk. In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova* [The Contemporary Russian Language: Social and Functional Differentiation. The Russian Academy of Sciences. The V.V. Vinogradov Russian Language Institute]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2003. 568 P.]
2. Крысин Л.П. Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки: Общество в зеркале языка. — 2005. — № 2. — С. 36—47. [Krysin, L.P. [Language Norm and Language Practice]. *Otechestvennye zapiski: obshchestvo v zerkale yazyka* [Notes of the Fatherland: Society in the Language Reflection]. 2005. N 2. P. 36—47.]
3. Современный русский язык: Система — норма — узус / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН — М.: Языки славянских культур, 2010. — 480 с. [*Sovremennyy russkiy yazyk: sistema — norma — uzus. In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN* [The Contemporary Russian Language: System — Norm — Language Usage. The Russian Academy of Sciences. The V.V. Vinogradov Russian Language Institute]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2003. 480 P.]
4. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. — 1955. — № 1. — С. 60—87. [Vinogradov, V.V. [Stylistics Issues Discussion Results]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language]. 1955. N 1. P. 60—87.]

<sup>1</sup> Статья написана в рамках научно-исследовательского проекта “Развитие и функционирование русского литературного языка в XVIII—XXI веках” (руководитель проекта — проф. О.Г. Ревзина).

5. Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. — М., 1996. — С. 135–138. [Krysin, L.P. [The Religious Predicant Style and its Place in the Functional Stylistic Paradigm]. *Poetika. Stilistika. Yazyk i kultura: pamyati Tatyany Grigorevny Vinokur* [Poetics. Stylistics. Language and Culture: in Memoriam of Tatyany Grigorevna Vinokur]. Moscow, 1996. P. 135–138.]
6. Шмелев А.Д. Функциональная стилистика и моральные концепты // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г.О. Винокура и современность / Отв. ред. С.И. Гиндин, Н.Н. Розанова. — М., 1999. — С. 217–230. [Shmelev, A.D. [Functional Stylistics and Moral Concepts]. *Yazyk. Kultura. Gumanitarnoe znanie: nauchnoe nasledie G.O. Vinokura i sovremennost. Otv. red. S.I. Gindin, N.N. Rozanova* [Language. Culture. Humanities: Scientific Heritage of G.O. Vinokur and Modernity. Gindin, S.I., Rozanova, N.N. (Ed.)]. Moscow, 1999. P. 217–230.]
7. Шмелев А.Д. Языковые особенности различных видов религиозного дискурса // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. — М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 613–621. [Shmelev, A.D. [Language Features of Different Kinds of Religious Discourse]. *Yazyk v dvizhenii: k 70-letiyu L.P. Krysin. Otv. red. E.A. Zemskaya, M.L. Kalenchuk* [Language in Movement: to the 70th Anniversary of L.P. Krysin. Zemskaya, E.A., Kalenchuk, M.L. (Ed.)]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2007. P. 613–621.]
8. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 464 с. [Kozhina, M.N., Duskaeva, L.R., Salimovskij, V.A. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian Language]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2010. 464 P.]
9. Григорьев В.П. Кое-что о стилевой политике // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. — М.: Языки славянской культуры, 2007. — С. 138–150. [Grigorev, V.P. [Some Words to the Stylistic Politics]. *Yazyk v dvizhenii: k 70-letiyu L.P. Krysin. Otv. red. E.A. Zemskaya, M.L. Kalenchuk* [Language in Movement: to the 70th Anniversary of L.P. Krysin. Zemskaya, E.A., Kalenchuk, M.L. (Ed.)]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2007. P. 138–150.]
10. Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка. — М.: Издательский центр “Академия”, 2006. — 304 с. [Solganik, G. Ya. *Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka* [Practical Stylistics of the Russian Language]. Moscow, Izdatelskij tsentr “Akademiya” Publ., 2006. 304 P.]
11. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. — М.: Изд-во художественной литературы, 1959. — 653 с. [Vinogradov, V.V. *O yazyke khudozhestvennoj literatury* [On the Language of the Fiction Literature]. Moscow, Izd-vo khudozhestvennoj literatury Publ., 1959. 653 P.]
12. Панов М.В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 103–136. [Panov, M.V. [On Pronunciation Styles (in Connection with General Stylistics Problems)]. Panov, M.V. *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku. T. 1* [General Linguistics and the Russian Language Studies. Vol. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2004. P. 103–136.]
13. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. — М.: Наука, “Языки русской культуры”, 1999. — 275 с. [Panov, M.V. *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional Morphology of the Russian Language]. Moscow, Nauka, “Yazyki russkoj kultury” Publ., 1999. 275 P.]
14. Панов М.В. О развитии русского языка в советском обществе (К постановке проблемы) // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. — М.: Языки славянской культуры, 2007. — С. 43–62. [Panov, M.V. [To Development of the Russian Language in the Soviet Society]. Panov, M.V. *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku. T. 2* [General Linguistics and the Russian Language Studies. Vol. 2]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2007. P. 43–62.]
15. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. — М.: Просвещение, 1974. — 144 с. [Sirotinina, O.B. *Sovremennaya razgovornaya rech i ee osobennosti* [The Contemporary Colloquial Speech and its Features]. Moscow, Prosveschenie Publ., 1974. 144 P.]
16. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Лексика / Под ред. О.Б. Сиротининой. Изд. 3-е. — М.: Книжный дом “Либроком”, 2009. — 256 с. [Razgovornaya rech v sisteme funktsionalnykh stilej sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: leksika. Pod red. O.B. Sirotininoj. Izd. 3-e [The Colloquial Speech in the System of Functional Styles of the Contemporary Russian Literary Language: Lexis. Sirotinina, O.B. (Ed.). The 3d Edition]. Moscow, Knizhnyj dom “Librokom” Publ., 2009. 256 P.]
17. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Грамматика / Под ред. О.Б. Сиротининой. Изд. 3-е. — М.: Книжный дом “Либроком”, 2009. — 312 с. [Razgovornaya rech v sisteme funktsionalnykh stilej sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: grammatika. Pod red. O.B. Sirotininoj. Izd. 3-e [The Colloquial Speech in the System of Functional Styles

- of the Contemporary Russian Literary Language: Grammar. Sirotinina, O.B. (Ed.). The 3d Edition]. Moscow, Knizhnyj dom "Librokom" Publ., 2009. 312 P.]
18. Земская Е.А. Русская разговорная речь (Проспект). — М.: ИРЯ РАН, 1968.— 99 с. [Zemskaya, E.A. *Russkaya razgovornaya rech (prospekt)* [The Russian Colloquial Speech (Brochure)]. Moscow, RUSLANG RAS Publ., 1968. 99 P.]
19. Русская разговорная речь / Под ред. Е.А. Земской. — М.: Наука, 1973.— 485 с. [*Russkaya razgovornaya rech. Pod red. E.A. Zemskoj* [The Russian Colloquial Speech. Zemskaya, E.A. (Ed.)]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 485 P.]
20. Лантева О.А. Русский разговорный синтаксис. — М.: Наука, 1976.— 397 с. [Lapteva, O.A. *Russkij razgovornyj sintaksis* [The Russian Colloquial Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 397 P.]
21. Лантева О.А. Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. Изд.6. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007.— 520 с. [Lapteva, O.A. *Zhivaya russkaya rech s teleekrana: razgovornyj plast televizionnoj rechi v normativnom aspekte. Izd. 6* [The Live Russian Speech from the TV: Colloquial Layer of the TV Speech in Normative Aspect. The 6th Edition]. Moscow, Izd-vo LKI Publ., 2007. 520 P.]
22. Культура русской речи / Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. — М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 2001.— 560 с. [*Kultura russkoj rechi. Pod red. L.K. Graudinoj i E.N. Shiryayeva* [Culture of the Russian Speech. Graudina, L.K., Shiryayev, E.N. (Ed.)]. Moscow, Izdatelskaya gruppa NORMA-INFRA Publ., 2001. 560 P.]
23. Литневская Е.И. Школьный курс русского языка как проводник в мир правильной и хорошей речи // Русская словесность.— 2011.— № 2. — С. 5—9. [Litnevskaya, E.I. [The Russian Language School Course as a Guide to Correct and Right Speaking]. *Russkaya slovesnost* [Russian Philology]. 2011. N 2. P. 5—9.]
24. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. — М.: Наука, 1989.— 188 с. [Krysin, L.P. *Sotsiolingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennogo russkogo yazyka* [Sociolinguistic Aspects of the Studies in the Contemporary Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 188 P.]
25. Панов М.В. О литературном языке // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 88—102. [Panov, M.V. [To the Literary Language]. Panov, M.V. *Trudy po obschemu yazykoznaniiu i russkomu yazyku. T. 1* [General Linguistics and the Russian Language Studies. Vol. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2004. P. 88—102.]
26. Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. — М.: Гардарики, 2005.— 287 с. [Kostomarov, V.G. *Nash yazyk v dejstvii. Ocherki sovremennoj russkoj stilistiki* [Our Language in Action. Essays on the Contemporary Russian Stylistics]. Moscow, Gardariki Publ., 2005. 287 P.]
27. Шерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1957.— 188 с. [Scherba, L.V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works in the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 188 P.]
28. Шмелев А.Д. Падение речевой культуры или изменение нормы? // Доклад на пленарном заседании II Международной конференции "Культура русской речи". Москва, ИРЯ РАН, 4—6 октября 2010 года. [Shmelev, A.D. [Speaking Culture Fall or Norm Changing?]. *Doklad na plenarnom zasedanii II Mezhdunarodnoj konferentsii "Kultura russkoj rechi"* [Speech for the Plenary Meeting of the 2nd International Conference "The Russian Speech Culture"]. Moscow, RUSLANG RAS, October 4—6, 2010.]
29. Панов М.В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. — М.: Языки славянской культуры, 2007. — С. 63—84. [Panov, M.V. [From Observations over the Style of the Contemporary Periodical Press]. Panov, M.V. *Trudy po obschemu yazykoznaniiu i russkomu yazyku. T. 2* [General Linguistics and the Russian Language Studies. Vol. 2]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2007. P. 63—84.]
30. Кожевникова К. Спонтанная устная речь в эпической прозе (на материале современной русской художественной литературы). — Прага: Universita Karlova, 1971.— 165 с. [Kozhevnikova, K. *Spontannaya ustnaya rech v epicheskoj proze (na materiale sovremennoj russkoj khudozhestvennoj literatury)* [Spontaneous Colloquial Speech in the Epic Prose (On the Material of the Contemporary Russian Fiction Literature)]. Prague, Universita Karlova Publ., 1971. 165 P.]
31. Литневская Е.И. О "вольностях" употребления норм письменной речи в текстах современной художественной литературы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология.— 2010.— № 3. — С. 9—24. [Litnevskaya, E.I. [To Usage Liberty of the Writing Language Norms in Texts of the Contemporary Fiction Literature]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Bulletin of the Moscow State University. Series 9. Philology]. 2010. N3. P. 9—24.]
32. Смирницкий А.И., Ахманова О.С. О лингвистических основах преподавания иностранных языков // Иностранный язык в школе.— 1954.— № 3. — С. 41—51. [Smirnitskij, A.I., Akhmanova, O.S. [To the Linguistic Base of the Foreign Languages

- Teaching]. *Inostrannyj yazyk v shkole* [Foreign Language at School]. 1954. N3. P. 41–51.]
33. Костомаров В.Г. Разговорная речь: определение и роль в преподавании // Костомаров В.Г. Статьи старых лет. — М.: Издательство ИКАР, 2010. — С. 79–87. [Kostomarov, V.G. [Colloquial Speech: Definition and Role in the Teaching]. Kostomarov, V.G. *Stati starykh let* [Articles of Bygone Years]. Moscow, Izdatelstvo Ikar Publ., 2010. P. 79–87.]
  34. Костомаров В.Г. О разграничении терминов “устный” и “разговорный”, “письменный” и “книжный” // Костомаров В.Г. Статьи старых лет. — М.: Издательство ИКАР, 2010. — С. 88–93. [Kostomarov, V.G. [To Distinction of the Terms “Oral” and “Colloquial”, “Writing” and “Literary”]. Kostomarov, V.G. *Stati starykh let* [Articles of Bygone Years]. Moscow, Izdatelstvo Ikar Publ., 2010. P. 88–93.]
  35. Гаспаров В.Г. Устная речь как семиотический объект // Лингвистическая семантика и семиотика. I. Семантика номинации и семиотика устной речи // Тартуский университет: Ученые записки. — Вып. 442. — Тарту: ТГУ, 1978. — С. 63–112. [Gasparov, V.G. [Oral Speech as Semiotic Object. Linguistic Semantics and Semiotics. I. Nomination Semantics and Oral Speech Semiotics]. *Tartuskij universitet: uchenye zapiski*. Vyp. 442 [Bulletin of the Tartu University. Iss. 442]. Tartu, TGU Publ., 1978. P. 63–112.]
  36. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. — М.: Наука, 1977. — 168 с. [Shmelev, D.N. *Russkij yazyk v ego funktsionalnykh raznovidnostyakh* [The Russian Language in its Functional Varieties]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 168 P.]
  37. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 712 с. [Sovremennyy russkij yazyk: aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov. In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN [The Contemporary Russian Language: Active Processes at the Turn of the 20th–21st Centuries. The Russian Academy of Sciences. The V.V. Vinogradov Russian Language Institute]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2008. 712 P.]
  38. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика: Учебное пособие. Изд. 3-е. — М.: Книжный двор “ЛИБРОКОМ”, 2012. — 200 с. [Bondaletov, V.D. *Sotsialnaya lingvistika: uchebnoe posobie*. Izd. 3-e [Social Linguistics: Educational Book. The 3d Edition]. Moscow, Knizhnyj dvor “Librokom”, 2012. 200 P.]
  39. Балли Ш. Французская стилистика: пер. с франц., 2-е изд. — М.: УРСС, 2001. — 392 с. [Balli, Ch. *Frantsuzskaya stilistika: per. s frants.*, 2-oe izd [French Stylistics: Translated from French, the 2nd Edition]. Moscow, URSS Publ., 2001. 392 P.]
  40. Макдэвид Р. Дialeктные и социальные различия в городском обществе / Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика / Ред. Н.С. Чехомоданов. — М.: Прогресс, 1975. — С. 363–381. [Makdavid, R. [Dialect and Social Varieties in a City Society]. *Novoe v lingvistike*. Vyp. VII. *Sotsiolingvistika*. Red. N.S. Chemodanov [New in Linguistics. Iss. 7. Sociolinguistics. Chemodanov, N.S. (Ed.)]. Moscow, Progress Publ., 1975. P. 363–381.]
  41. Литневская Е.И. Письменные формы русской разговорной речи (К постановке проблемы): Монография. — М.: МАКС Пресс, 2011. — 304 с. [Litnevskaya, E.I. *Pismennyye formy russkoj razgovornoj rechi (k postanovke problemy): monografiya* [Writing Forms of the Russian Colloquial Speech (to the Problem Definition)]. Moscow, MAX Press Publ., 2011. 304 P.]
  42. Беликов В.И. Языковая норма: новые и старые трещины на русскоязычном пространстве // Acta Philologica: Филологические записки. I. — М.: МГУ, 2007. — С. 36–52. [Belikov, V.I. [Language Norm: New and Old Cracks on the Russian Language Area]. *Acta Philologica: filologicheskie zapiski*. I [Acta Philologica: Philological Bulletin. I]. Moscow, MGU Publ., 2007. P. 36–52.]
  43. Словарь языка интернета.ру / Под ред. М.А. Кронгауза. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с. [Slovar yazyka interneta.ru. Pod red. M.A. Krongauza [Internet.ru Language Dictionary. Krongauz, M.A. (Ed.)]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2016. 288 P.]
  44. Григорьев В.П. Культура языка и языковая политика // Общественные науки и современность. — 2003. — № 1. — С. 143–157. [Grigorev, V.P. [Language Culture and Language Politics]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity]. 2003. N 1. P. 143–157.]